

Вернувшись в город Цюаньчжоу, Чжао Юшэн проводил время в одиночестве в своей мансарде, погружаясь в книги. Иногда, устав от чтения, он открывал окно и смотрел на оживлённую Почтовую улицу, ощущая странное чувство, будто находился в шумном городе, но сердцем пребывал в тишине гор.

С книгой в руках он прислонился к окну, окутанный вечерним закатом. В направлении заката он мог видеть крышу дома Чэнь Юя.

Первые дни после возвращения домой Чжао Юшэн вёл себя безупречно, словно человек, жаждущий славы и успеха. Он усердно учился, не выходя из дома. Чжуан Де несколько раз звал его, но всегда получал отказ, что вызывало у него немало раздражения. Он даже сказал Дуань Хэ, что Юшэн превратился в книжного червя под влиянием господина Саньси.

Чжуан Де не знал, что дядя Юшэна, Ши Мянь, был дома, и если бы Юшэн не вёл себя прилежно, его могли бы отправить к профессору Хуану.

Отец Чжао, находясь дома без дела, иногда принимал гостей, а иногда сам отправлялся навещать друзей. Его круг общения был широк: от родственников из императорского клана до известных горожан и отставных чиновников.

С тех пор как отец вернулся, ворота дома Чжао ежедневно открывались для посетителей, и количество слуг также увеличилось. Цянь У и Чжан И, которые ранее служили отцу в уезде Нин, вновь собрались вокруг него и поселились в доме Чжао.

Услышав голос младшего брата Юйцина во дворе, Чжао Юшэн опустил взгляд и увидел, как тот умоляет Чжан И научить его боевым приёмам.

Служанка А Цзинь собирала одежду во дворе, а У Чу подошёл к ней с нерешительным видом. Похоже, он был неравнодушен к ней.

Всё вокруг было спокойно и мирно, создавая ощущение уютного времени.

Постепенно солнце склонялось к закату, и отец Чжао лично проводил двух гостей до ворот. Юшэн узнал одного из них — это был отец Чжао Мэншоу, Чжао Жутай. Однако он не знал, по какому поводу тот пришёл, так как этот человек был известен своей замкнутостью и редко общался с соседями.

Вечером семья собралась за обеденным столом, уставленным изысканными блюдами. За столом матушка Чжао вдруг спросила отца:

— Сколько лет дочери Жутая?

У Чжао Жутая была дочь и сын. Дочь жила в уединении, и, будучи соседкой, матушка Чжао не видела её взрослой и не знала её возраста.

— В этом году ей исполнилось двадцать. Если она не выйдет замуж, то станет старой девой, — ответил отец, взглянув на своих двух сыновей. Он и сам когда-то мечтал о дочери, но судьба женщин, рождённых в императорском клане, часто была полна трудностей.

Матушка Чжао кивнула. Она сама вышла замуж в девятнадцать лет, что уже считалось поздним возрастом. Она сказала:

— Неудивительно, что они беспокоятся. Управление по делам императорского клана не выдаёт приданое и не помогает найти подходящую пару. Если так пойдёт дальше, ей придётся стать монахиней.

Девушки из императорского клана, если не выходили замуж, часто становились монахинями.

Теоретически, Управление по делам императорского клана обязано было выдавать приданое, но всегда отговаривалось отсутствием средств в казне.

— Не до этого дойдёт. Если Управление действительно не будет заниматься этим, Жутай сам выдаст приданое и найдёт жениха. Нельзя же губить жизнь своей дочери, — сказал отец Чжао, хорошо знавший Жутая. Этот человек очень любил своих детей. Однако женитьба на девушке из императорского клана накладывала множество ограничений, и нельзя было просто так выдать её замуж.

Матушка Чжао, казалось, что-то вспомнила и нахмурилась:

— Тебе стоит поинтересоваться, когда будут распределены деньги с казённых кораблей. Уже почти зима.

Летом казённые корабли, занимавшиеся заморской торговлей, вернулись. Ходили слухи, что в этом году они привезли много пряностей, но Управление по делам императорского клана до сих пор не распределило прибыль.

Отец Чжао, поднося палочки к еде, на мгновение замер, услышав слова жены:

— Зачем об этом беспокоиться? В прошлые годы мы получали не так уж много.

— Я поняла, что в Управлении по делам императорского клана завелись жирные крысы, которые объедают мешки с рисом! — недовольно отозвалась матушка Чжао. В этом году она узнала, что казённые корабли принесли огромную прибыль, а их семья вложила в это свои средства. — Люди из семьи Си Ван, занимающие должности в Управлении, присваивают деньги, которые по праву принадлежат всем. В этом году нельзя допустить, чтобы это повторилось!

Чжао Юшэн молча слушал разговор родителей. Он ничего не сказал, так как отец всегда запрещал обсуждать дела императорского клана за столом.

— Матушка, я знаю, это называется «жирные крысы»! — воскликнул Юйцин, легонько постучав ложкой по миске. Он начал декламировать:

— Жирные крысы, жирные крысы, не ешьте моё просо! Три года я вас кормил, а вы не заботитесь обо мне...

Он только что выучил это стихотворение в школе императорского клана и тут же применил его.

Отец Чжао легонько шлёпнул младшего сына по голове, но ничего не сказал. Все знали, что чиновники Управления по делам императорского клана действуют заодно, но семья Си Ван имела глубокие корни в местной власти, и их связи были слишком запутанны, чтобы с ними бороться.

Чжао Юшэн, спокойно, как и его отец, пил суп. Он знал, что с наступлением зимы недовольство чиновниками Управления достигнет пика.

В прошлой жизни он не стал свидетелем этого, так как жил в уезде Нин, но в этой жизни всё было иначе.

Когда наступила ночь и семья уснула, Чжао Юшэн встал, взял меч и спустился вниз. Он бесшумно фехтовал под деревом. Чжан И, У Синь и У Чу жили вместе в небольшом доме во дворе. Чжан И, как человек, занимающийся боевыми искусствами, был очень бдителен. Услышав звуки снаружи, он вышел и увидел, что его ученик тренируется. Он некоторое время постоял у стены, наблюдая, а затем вернулся спать.

Он думал, что у молодого ученика вряд ли есть враги, разве что он немного мрачен и увлечён боевыми искусствами.

Фехтуя в осеннем ветру, Чжао Юшэн делал это так тихо, что не разбудил спящих. Он продолжал до тех пор, пока одежда не пропиталась потом, после чего вложил меч в ножны. При лунном свете он осторожно поднялся наверх, его тень на земле сопровождала лишь одинокая луна.

Вернувшись в мансарду, он повесил меч обратно в нишу и открыл окно, чтобы ночной ветер охладил его кожу.

Ночь была тёмной, и крыша дома Чэнь Юя не была видна. Он подумал, что Чэнь Юй, вероятно, уже спит, уютно устроившись в своей постели.

С той ночи, когда Чжао Юшэн вернулся в Цюаньчжоу и встретился с Чэнь Юем, прошло несколько дней, и Чэнь Юй больше не приходил в дом Чжао.

Чэнь Юй слышал от Чжуан Де, что А Шэн всё время проводит дома за книгами и не выходит. Он также слышал, что отец Чжао часто принимает гостей. Чэнь Юй не хотел мешать Юшэну учиться и боялся встретиться с его отцом. Несколько раз он шёл по Почтовой улице, собираясь навестить Юшэна, но в последний момент колебался и возвращался.

Он не приходил к Юшэну, и Юшэн не приходил к нему. С возрастом Чэнь Юй начал осознавать разницу в их статусе. Ему казалось, что А Шэн, возможно, больше не придёт к нему.

Иногда у Чэнь Юя возникала странная мысль, что в четырнадцать лет, в одно осеннее утро, он проснулся в постели Юшэна, а тот спал в кабинете. Именно с этого утра закончилось их беззаботное время, проведённое вместе.

Осенним утром Чэнь Юй проснулся и вышел из спальни. Во дворе он увидел, что на хурме висят четыре или пять плодов. Тут он вспомнил, что сегодня не нужно идти на занятия — учитель У попросил отпуск на несколько дней, уходя, он взял с собой корзину хурмы, подаренную Мо Юй.

Чэнь Юй хотел позвать Ци Шичана занять отдельный кабинет в чайной Цинчжоу, но, позвав его несколько раз, не получил ответа. Дун Вань, услышав зов, подошёл и сказал Чэнь Юю, что Шичан вчера уехал в деревню.

Чэнь Юй подумал, что Шичан, который так любил городскую жизнь, вероятно, был забран домой командиром Ци.

Сидя в кабинете, Чэнь Юй гладил недавно купленную цитру. Он размышлял, будет ли сегодня дома отец Чжао, и предположил, что А Шэн, как обычно, читает в мансарде. Может, стоит отправить Дун Ваня сначала разведать обстановку?

Размышляя об этом, он услышал, как Мо Юй зовёт его снаружи, сообщая, что Чжэн Юанья и Ли Шиань пришли к нему.

Чэнь Юй быстро встал, поправил одежду и с радостью вышел встретить их. Хотя ему уже было пятнадцать, он всё ещё любил проводить время с друзьями, как ребёнок.

Чжэн Юанья всегда выглядел расхлябанно, но слуги семьи Чэнь уже привыкли к этому. Ли Шиань был соседом Юанья. Он был одет бедно, выглядел застенчиво и казался тенью Юанья.

— Сяо Юй, вчера вечером в Восточном канале затонул грузовой корабль, и канал теперь непроходим. Все корабли, идущие в город, застряли. Хочешь пойти посмотреть?

Чжэн Юанья, одной рукой опершись на дверной косяк, другой положил на плечо Чэнь Юя, как будто они были закадычными друзьями. Он оглядел обстановку кабинета, увидел цитру и, кажется, усмехнулся.

— Я слышал об этом вчера вечером от старшего брата. Корабль ещё не подняли? — спросил Чэнь Юй. Он слышал, как его брат и его друзья обсуждали это дело. Канал вёл к Управлению морской торговли, и понятно, что его блокировка вызвала огромные пробки.

Чжэн Юанья, обняв Чэнь Юя за плечи, повёл его, говоря:

— Корабль был полон сандалового дерева. Его не могли поднять ночью. Пойдём, посмотрим.

Ли Шиань шёл рядом, выглядев немного скованно. Неудивительно, ведь его семья, хотя и имела предков, служивших при дворе, теперь была бедной. Дом семьи Чэнь был величественным, и только Чжэн Юанья мог чувствовать себя здесь так же свободно, как у себя дома.

<http://bllate.org/book/15279/1348831>